

осветить полнее, затронув, например, его деловые отношения с князем Мещерским, имя которого даже не фигурирует в Указателе. Сборник представил бы подходящую возможность включить обсуждение того, как цензура повлияла на творчество Достоевского, тем более что об этом было очень мало публикаций (возможно, полезен был бы отрывок из исследований покойного П. Фута из Оксфордского университета о цензуре). Цензура в отношении рукописного и эпистолярного наследия Достоевского также могла быть исследована, в том числе материал, якобы сокращенный Анной Григорьевной, в сочетании с тем, что часть корреспонденции Достоевского была, очевидно, уничтожена, номера страниц изменены, а некоторые другие материалы повторно скопированы.

Несмотря на некоторые из вышеперечисленных наблюдений, учитывая сложность текстов Достоевского и огромное количество доступного критического материала, работу редакторов можно в целом назвать успешной в выполнении задачи по включению в сборник наиболее подходящих текстов, которые вписывались бы в некие рамки конкретной системы, предназначенной для того, чтобы направить читателей к желаемому пониманию произведений Достоевского. Очевидно, что редакторам пришлось бы пойти на компромисс, продиктованный наложенными ограничениями издания, такими как доступность авторских прав, а также ожиданиями и практикой преподавания тех, кто руководит учебным процессом в англоязычных университетах.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-269-270

© А. М. Грачева

«ВЕРИЛ В КРАСИВЫЙ ВЫМЫСЕЛ, ПРЕДПОЧИТАЯ ЕМУ ЖЕСТОКУЮ ПРАВДУ ЖИЗНИ...»*

Монография «Максим Горький — мыслитель, художник, человек» стала последней, вышедшей посмертно книгой доктора филологических наук, профессора Лидии Алексеевны Спиридоновой (25 марта 1934 — 11 января 2022), с 1995 по 2022 год заведующей Отделом изучения и издания творчества А. М. Горького в ИМЛИ РАН, одного из крупнейших специалистов по наследию этого классика русской и советской литературы. Она состоит из вступительного эссе «Знаем ли мы Горького? (Вместо предисловия)», двадцати глав, Послесловия, Списка литературы, а также Указателя имен и сопровождается иллюстрациями. Дробность и стилистическая гетерогенность глав позволяет предположить, что ранее большая их часть являлась отдельными статьями, созданными в разное время. Однако в тексте не указаны данные об их первоначальной публикации. Выявление подобных сведений не входит в задачу рецензента, поэтому будем воспринимать эти двадцать глав как части одной монографии. В названии декларировано изучение и представление читателю фигуры Максима Горького как единства трех ипостасей — мыслителя, художника, человека». Порядок расположения материала в книге основан на соединении хронологического и семантического принципов. Отдельные главы монографии выявляют то одно, то второе, то третье качество, «природу», «лицо» главного героя.

Абстрагируясь от заявленной последовательности, обратимся к анализу репрезентации каждой из них в тексте книги. Наиболее глубоко, на основе использования безграничного богатства материалов хранящегося в ИМЛИ РАН Архива А. М. Горького, в монографии Л. А. Спиридоновой раскрыто «лицо» Горького-человека. В первом же предложении Вступления заявлена парадоксальная теза: «Классик мировой литературы М. Горький сегодня — писатель широко неизвестный» (с. 11). И далее — в главах «Горький и русская революция», «Странный я человек, Катя» и «Я не люблю свою личную жизнь...» — исследовательница, действительно, открывает читателю Горького, показывая его жажду знаний, политическую страстность, грани конформизма и неконформизма, способность любить и ненавидеть, etc., etc., etc. В этом условном «разделе» наиболее значим проведенный автором анализ взаимоотношений Горького с политическими деятелями советского государства в период его окончательного возвращения в СССР. Спиридонова тонко и точно определила характер позиции писателя в отношении сталинского режима как сознательного/бессознательного прагматического компромисса с властью. В частности, она отметила: «Горький был тем „безумцем“, который верил в красивый вымысел, предпочитая ему жестокую правду жизни. Он все еще надеялся примирить опозиционеров со Сталиным <...> Он искренне верил, что советская власть — это власть народа <...> Поэтому он порой закрывал глаза на искажение той „высшей правды“, которой поклонялся всю жизнь»

* Спиридонова Л. Максим Горький — мыслитель, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 432 с.

(с. 196). Наиболее значительной в монографии является глава «Триумф или трагедия?», в которой проанализированы контакты Горького с советскими лидерами в 1930-е годы. Анализ и выводы Спиридоновой, несомненно, являются также свидетельством серьезной подготовки горьковедов к началу работы над заключительной третьей серией академического издания наследия писателя — его публицистики.

В раскрытии темы «М. Горький — мыслитель» ощутимы навыки Спиридоновой как многолетнего комментатора текстов в Собрании сочинений писателя. Однако то, что считается достоинством комментария — краткость и вызванная этим тяга к упрощению сложного (в данном случае, философских концепций и позиций дальних и близких «учителей», оппонентов или сомысленников Горького), в другом филологическом жанре (а именно, в монографии) является уже очевидным недостатком. Это становится особенно явным в главах «М. Горький и философия пессимизма», «Поиски веры», «Религия человека и человечества», «Горький и философия прагматизма» и «Горький на Капри», посвященных сравнению взглядов Горького и Фр. Ницше, Дж. Леопарди, А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, А. Богданова. Вопросы об истоках, трансформации и эволюции воззрений Горького в контексте философской мысли его времени заслуживают более обоснованного и глубокого изучения, а не краткой, заведомо упрощающей сложную информацию о сути этих теорий и простой констатации совпадения или несовпадения тех или иных постулатов со взглядами писателя.

Наконец, последнюю часть заявленной «триады» составляет представление о Горьком как художнике. С огорчением приходится отметить, что главы, посвященные этому «лицу», — самые слабые в монографии. Тут Спиридонова является «заложницей» одной из не самых лучших и давно устаревших традиций советского литературоведения — практики канонизации творчества Горького и рассмотрения его вне историко-литературного контекста. Предпринятые в книге *попытки* проанализировать произведения на фоне литературного процесса содержат в себе явные «рудименты» нормативного горьковедения 1940–1950-х годов, когда Горький возвышался одиноком Монбланом на фоне низких холмов советской и болотных падей до-революционной литературы. Достаточно привести только одно высказывание исследовательницы: «Анализ эволюции творческого метода Горького позволяет отвергнуть устоявшиеся в литературоведении стереотипы. Идя по пути синтеза разных методов и стилей, не отвергая даже влияния модернизма, писатель создавал свой собственный неповторимый метод. <...> Писатель был не только связующим звеном между русской классической и советской литературой, но и ярчайшим представителем Серебряного века <так!>» (с. 323–324). Догмат о доминировании Горького над всей прочей литературой последовательно утверждается в главах «Творчество Горького в контексте Серебряного

века», «Творческий метод Горького и возникновение социалистического реализма» и «К вопросу о новаторстве Горького». К сожалению, следование идеологическому постулату о безоговорочном торжестве литературного мастерства писателя над всеми его современниками сопровождается в монографии проявлением приверженности Спиридоновой другому «наследию» ветхого днями горьковедения, а именно анализу произведений Горького с использованием многочисленных клише и штампов. Например: «От произведения к произведению в раннем творчестве Горького нарастает и выкристаллизовывается тема подвига» (с. 27); «Образ орла, обозначающий сильную личность (как символ сильной личности), возникает при характеристике героев, имеющих ницшеанские черты <...> Образ Сокола связан с представлением о герое, бескорыстно заботящемся о других. <...> Наконец, Буревестник символизирует движение самих масс (с. 29; скрытая цитата из статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». — А. Г.); «Мастерство портретных характеристик в произведениях писателя поражает. <...> Горький обладал талантом в нескольких метких словах дать исчерпывающую характеристику человека <...> Не менее выразительны описания природы, обстановки, места действия в произведениях Горького» (с. 208), etc., etc., etc.

Через весь труд лейтмотивом проходит идея защиты творчества и личности Горького от вскипевшего в годы перестройки развенчания этого Зевса, свергнутого с вершины советского литературного Олимпа. Надо отметить, что Лидия Алексеевна действительно много сделала для отстаивания имени Горького-писателя, сохранения памяти о нем, наконец, продолжения академического издания его наследия. Искренним чувством «боли» за Горького проникнуты ее финальные слова: «Прекрасный памятник, который стоял на площади Белорусского вокзала, снесли и чуть не уничтожили в годы „перестройки“. С большим трудом его удалось вернуть на место к 150-летию юбилею со дня рождения писателя. Следующим шагом должно быть возвращение Горького на законное место классика русской и советской литературы, у которого нет даты смерти» (с. 387).

Книга Л. А. Спиридоновой «Максим Горький — мыслитель, художник, человек» ярко демонстрирует сильные и слабые стороны академического горьковедения в его прошлом, а отчасти и в его современном состоянии. Нет сомнений, что ныне, когда Горький уже перестал быть фигурой, канонизированной и потому запретной для объективного изучения, исследование творчества, биографии и динамики его бытия на мировом литературном, общественном и политическом горизонтах конца XIX — первой трети XX века является одной из значимых, интересных и во многом новаторских задач современного литературоведения как науки. В этом плане последняя монография Лидии Алексеевны предстает не только как итог жизни ученого, но и как финальная черта под целым периодом в освоении горьковского наследия.